

ЭТНОГРАФИЯ

М.О. Османов

**ОБЫЧНОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ
И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
ОБЩИНЫ ДАГЕСТАНА. XVII–XIX вв.**

*(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ.
Проект 04-06-80006ба)*

Обычным правом принято считать совокупность неписаных правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного традиционного применения.

Судя по нашим дагестанским материалам, основным базовым источником обычного права является жизнедеятельность общины во всех ее проявлениях.

Иными словами, сельская (соседская, территориальная) община выступает как творец обычного права и одновременно как проводник, реализатор его сложившихся норм. Без обычного права нет сельской общины, но и обычное право без общины окажется как бы в вакууме.

Поэтому их рассмотрение (изучение, исследование) должно быть единым, неразрывным, органично слитным: право как модель для действия, постоянно обновляемая, главным образом, практикой (прецедентами) общины, которая выступает в своей многогранной деятельности (организационно-хозяйственной, общественной, бытовой и т.п.) как функционер.

Сказанное позволяет называть в известной мере обычное право общинным правом, но оно всегда будет шире обычного права, в частности особенно в хозяйственной сфере, так как будет охватывать практический опыт, прецеденты своей жизнедеятельности (часть которых станет нормой обычного права), включающих целый комплекс организационных, планирующих, регулирующих, ограничительных и запретительных мероприятий, являющихся частью повседневной жизнедеятельности общины и не входящих непосредственно в нормы обычного права.

Прежде чем переходить непосредственно к правовой деятельности внутри общины, сделаем несколько предварительных замечаний, без которых отдельные правовые ситуации внутри общины и в ее взаимоотношениях с внешним миром были бы недостаточно ясны.

Известно, что наиболее приближенную характеристику форм правления, государственности на Кавказе дал вдумчивый наблюдатель и историк С. Броневский: монархическое, аристократическое, демократическое. В Дагестане он назвал «подведомственными» «демократическому или народному правлению» «Акушинские общества и республику Кубачинскую, Лезгинские федеративные республики Анди и Зудахара» (*Броневский С.М.*, 1823. Ч. I. С. 40). Однако этот список, разумеется, был значительно длиннее, в него не попали такие известные союзы обществ (вольные общества), как Андалал, Гидатль, Карах, Дидо, Ахты, Рутул и другие.

В советскую эпоху, со времени так называемого «разгрома школы М.Н. Покровского», когда стало обязательным в любом историческом периоде находить антагонистическую формацию и в любом историческом феномене – классовую подоплеку, словосочетание вольные общества было поставлено в кавычки. В этом контексте любые замечания или высказывания, не вписывающиеся в концепцию «классовой борьбы», принимались за поверхностные, некомпетентные или идеа-

лизирующие феодально-патриархальный быт. Мало ли что сказал петровский офицер (разведчик) И.Г. Гербер: «Податей никаких ни государю ни усмею не платят», «Усмей с ними вежливо поступать принужден, ибо оные себя подданными числить не дают» (20-е гг. XVIII в.) (*Гербер И.Г.*, 1958. С. 101) и т.п. – он не понял и не разобрался в ситуации.

Другой офицер Д.Ф. Еропкин, указав, что у шамхала имеются подданные, добавляет: «Тавлинские же деревни, которые жительство имеют в горах, владельцев при них не имеется, а есть в каждой деревне по несколько старшин» (30-е гг. XVIII в.) (*Еропкин Д.Ф.*, 1958. С. 123). И еще один наблюдатель Д.И. Тихонов о союзе союзов Акуша-Дарго: «Сии народы вольные живут в горах ... и они все вообще называются акушинцами и зависит их внутреннее устройство от самих себя» (конец XVIII в.) (*Тихонов Д.И.*, 1958. С. 131, 133).

Можно привести немало таких наблюдений и высказываний. Однако обратим внимание на одно обстоятельство: жители вольны в пределах своей общины, в союзе общин уже существует власть, а в составе феодальных владений община лишается еще некоторых своих прерогатив, особенно в отношениях с внешним миром. Например, аварский хан или уцмий имел право в случае внешней опасности созвать общее ополчение со всех земель, руководителями которого они считались, но даже в этом случае общины вольных обществ должны были принять решение о своем участии в этом ополчении.

Поэтому следует различать три группы общин: 1) входящие в вольные общества – они ведут себя независимо и во внеобщинных, внешних делах, их нормы обычного права имеют даже специальные антифеодальные статьи; 2) находящиеся в подданстве, подчинении феодальных владетелей – их вольность замыкается в пределах общины, ограничивается внутренними хозяйственно-бытовыми вопросами, с них взималась и ханская подать (самая небольшая группа); 3) полузависимые или зависимые в некоторых, нередко оговоренных с феодалами отношениях – их внутренняя жизнь также была ограждена от воздействия феодальных структур. Общее количество союзов общин (обществ) оценивается исследователями по-разному. Эти разночтения происходили именно из-за того, что существовали разные группы союзов общин, точной адекватной характеристики (определения) которых практически не имеется. С. Броневский относил к «демократическому или народному управлению» 22 союза, и эта цифра представляется нам, при таком определении, близкой к настоящему положению вещей. А. Неверовский считает, что союзов обществ было 43, Р.М. Магомедов определил количество союзов в 68, в 4-томной «Истории Дагестана» приведена цифра – 60, но более близкими к реальности, учитывая все категории союзов обществ, мы считаем цифры А. Комарова и Е. Козубского – 80 союзов. Правда, один из последних исследователей, автор специальной монографии о союзах сельских общин Б.Г. Алиев, более точной считает цифру в пределах 90 и выше (*Броневский С.М.*, 1823. Ч. I. С. 40; *Неверовский А.А.*, 1847. С. 19, 33. История Дагестана. 1967. С. 320; *Гаджиев В.Г.*, 1981. С. 5; *Комаров А.В.* 1869. С. 13–123; *Козубский Е.И.*, 1895. С. 314–364; *Алиев Б.Г.*, 1995. С. 229).

В XVIII в. в Дагестане продолжается процесс феодального раздробления и происходит утверждение новых политических структур, более мелких, но более централизованных. И в нем немалое место занимает становление союзов сельских общин в качестве самостоятельных политических образований. Естественно, что одновременно в них развивается процесс становления законодательных, правовых и управленческих структур, происходящий на базе уже имеющихся установлений, правил и статей народного или обычного права.

Естественно, что община в первую очередь старалась обозначить пределы своих владений и сельскохозяйственных угодий и соответственно выработать ус-

ловия и правила их использования во благо общины и всех ее членов. Относительно мюльковой (частной) собственности самих членов общины вопрос был ясен, она оставалась неприкосновенной при любых политических структурах. Однако определение и закрепление общинных земель в условиях обособления от феодальных объединений и становления других политических новообразований было весьма актуально и имело немалую остроту.

Дагестанская община в XVIII в. и позже (до XX в.) была сельской (соседской, территориальной, крестьянской), с сохранившимися элементами тухумно-родственных отношений. Хотим подчеркнуть, что, несмотря на социальное неравенство, наличие рабов, организованного аппарата управления и подавления и т.п., в ней был один класс – класс крестьян, и власть ее как «волевое отношение» имела место не между классами, а между людьми, членами общины, и «доминирование властной воли» обеспечивалось в ней «посредством общественной организации в целях управления и обеспечения соблюдения социальных норм на основе принципа социальной ответственности» (*Кайзер Н.М.*, 1973. С. 16). Известно, что «само по себе сосредоточение публичных функций в руках определенной группы людей не может породить классовые противоречия. До тех пор пока нет монополии (собственности) меньшинства на средства производства, нет и классовых антагонизмов» (*Качановский Ю.В.*, 1971. С. 152).

Что касается рабов, то они ни в коей степени не составляли ни основы производства, ни самостоятельного класса и даже сословия (только прослойку), к тому же постоянно уменьшающегося за счет перехода в сословие свободных крестьян. Можно утверждать, что для дагестанской общины XV–XIX вв. «исходным путем возникновения власти, как таковой, послужила потребность в регулировании функционирования общественного организма» (*Куббель Л.Е.*, 1988. С. 29). К тому же в дагестанской общине, которую если нельзя называть «дофеодальной», то вполне можно охарактеризовать как «нефеодальную», очень четко наблюдается отличительная особенность дофеодального (или протофеодального) общества – «неразрывное единство прав и обязанностей, их непосредственная связь» настолько тесные, что известный историк, знаток средневековья А.И. Неусыхин как бы сливает их в одно – «права–обязанности» (*Гуревич А.Я.*, 1970. С. 129–130). В этой связи небезынтересно привести высказывание американского ученого У. Голдшмидта, который, указав на большую энергию, затрачиваемую в доклассовых обществах «на воспитание храбрости, воинского умения и доблести», на что «были направлены многие культурные ценности», призывает исследовать «институты умиротворения и поддержания мира, механизмы выхода из конфликтов и т.п.».

Характерно, что в элементы миротворчества он включает наряду с обменом, дарами и компенсации (*Голдшмидт*, 1989. С. 135), которые являлись одной из главных основ правоэкономического содержания обычного права и соответственно установлений общины.

Еще одна особенность правовых установлений внутри дагестанской общины, наряду со слитностью прав – обязанностей членов общины, заключалась в органическом единстве, почти в такой же слитности правового воздействия, регулирования неинституциональных (принуждение со стороны всего общества) и институциональных (принуждение, осуществляемое властными органами общины) форм права. Развитие обеих форм с прогрессом общества, с приобретением им классового содержания происходит в направлении их расщепления, взаимного отделения и даже отчуждения – институциональные превращаются в кодифицированное государственное право, а неинституциональные приобретают формы традиционной морали, этикета, обычая (*Перишц А.И.*, 1986. С. 91, 92).

Дагестанская община исследуемого времени характеризовалась, разумеется, приоритетом институциональных форм, она давно прошла этап потестарной ор-

ганизации, и тип власти ее уже далеко не был ни «традиционным», держащимся на «привычке к определенному поведению», ни тем более харизматическим, основанным на сплочении (и подчинении) вокруг индивида, обладающего выдающимися особенностями, происхождение которых (или часть их) считались сверхъестественными (*Куббель Л.Е.*, 1988. С. 38).

Отметим еще одну особенность обычно-правовых норм и установлений в дагестанской общине – их универсальность, всераспространенность, социальную равноприменимость.

Как уже было сказано, в Дагестане исследуемого периода были общины разного общественно-политического статуса, включая сообщества союзов вольных обществ, считавшие себя абсолютно независимыми, общины союзов обществ, находящихся в разной степени зависимости от феодальных владетелей, и общины, находящиеся в пределах и подчинении феодальных владений. Однако для всех них нормы обычного права именно идентичны и равно применимы без всяких исключений. Более того, в сводах обычного права многих общин имеются статьи, прямо направленные против представителей феодального сословия. В этом плане можно согласиться с исследователями, считающими обычное право «формой социального регулирования», понимая, однако, слово «социальный» в расширительном плане. Следует согласиться и с тем, что «обычное право оставалось такой формой для суборганизма – общины. В этом своем качестве оно сохраняло относительно самостоятельную социальную и этнокультурную роль, подчас даже противостоя государственному праву» (*Першиц А.И.*, 1986. С. 149–150). Мы бы добавили также и организационно-производственную роль в пределах общины. Тем более что в определении самой общины цитируемый автор (А.И. Першиц) добавляет, причем в качестве первой функции, – и эту роль. Итак, община – «самоуправляющийся производственный (!) и социально-бытовой коллектив, характерный для первобытного общества и докапиталистических классовых обществ (соседская, территориальная или крестьянская община)». Соседская община «включена в общую политико-правовую систему государства, но сохраняет самоуправление и обычное право» (*Першиц А.И., Тайде Д.*, 1986. С. 109, 110). «Необыкновенную живучесть» общины при феодализме Б.Ф. Поршнев объясняет тем, что она «прежде всего ... отвечала потребностям крестьян иметь орган взаимопомощи и отпора феодалам-землевладельцам» (*Поршнев Е.Ф.*, 1964. С. 294). И все-таки в соседской (крестьянской, земледельческой) общине, в которой родственные основы (начала) уже не играли существенной роли и на первый план вышли имущественные связи, последние обусловили и природу (характер) общины, выступающей «почти исключительно как орган производственной кооперации» (*А.А. Шенников*) (*Шенников А.А.*, 1977. С. 19).

Однако не будем забывать о двойственном характере сельской общины, о ее дуализме по определению К. Маркса, заключающемся в соединении в пределах общины общей (общинной) собственности на землю с частной (мюльковой) собственностью крестьян на пахотные (и отчасти покосные) угодья. Конкретным проявлением этого дуализма могли стать противоречия между обеими формами собственности, выражающиеся в конкретных действиях общинников, по реализации своих прав на собственность в производственно-экономической и операциональной сфере.

Поэтому община должна была выступать не просто как орган кооперации хозяйственной деятельности внутри общины, но и как орган, обеспечивающий своей властью гармонизацию общественных и частных интересов в экономической деятельности общины, согласование подчас противоречивых потребностей отраслей хозяйства – земледелия и скотоводства, правильное, наиболее разумное и учитывающее интересы всей общины, всех ее кварталов, основных отраслей хозяйства

распределение общинных угодий с учетом и наиболее рационального, взаимовыгодного для общины и ее членов использования и частновладельческих мюльков.

И поскольку эти аспекты противоречий – община и отдельные общинники (порою и тухумы, и даже кварталы), общинная и частная собственность, земледельческое хозяйство и скотоводство и т.п. – были довольно ощутимы, постольку община должна была обладать властью, силой принуждения. Не случайно в сильных, крепких общинах даже кровная месть ставилась в жесткие рамки и не получала возможности разрастания до больших масштабов.

В этом плане совершенно справедливым является замечание А.И. Робакидзе, который назвал выборный аппарат общины силой, обуздывающей «сепаратизм в целях обеспечения нормальной хозяйственной деятельности всего населения хеви как общественно-экономического единства, покоящегося на территориальной общности» (Робакидзе, А.И., 1964. С. 5–6).

Так мы подошли к вопросу о территориальной, и в конечном счете экономической, базе общины. Мюльковые пахотные участки, не объединенные территориально и расположенные в разных местах (и даже концах) сельской округи, не могли стать централизующей, объединяющей и цементирующей экономической основой, базой общины. К тому же пока органы власти общины не отрегулировали вопросы полеоборотов, использования угодий под выгоны или пастбища, эти отдельные участки не могли составить нечто единое, объединенное общностью и экономической, и функциональной, и операциональной.

Потому-то именно общая территория общины, ее «владения» служили объединяющей территориальной, экономической, социальной и культурно-бытовой основой, базой общины.

Говоря о производственно-организующей роли общины, нам приходилось отмечать равное правовое фактическое обеспечение функционирования обеих главных отраслей хозяйства – земледелия и скотоводства.

Однако при этом было уделено недостаточно внимания одному немаловажному обстоятельству – это «равноправие» не касалось овец, овцеводства. Дело в том, что в большей части Дагестана овцеводство не составляло органической части земледельческо-скотоводческого хозяйства населения Дагестана даже после последнего перераспределения географического разделения труда в крае, происшедшего после XV в. и определившего преимущественную скотоводческую направленность хозяйства горной части (Гаджиева С.Ш. и др., 1967. С. 11–12, 14, 39, 48, 63; Османов М.О., 1967. С. 232–233; Османов М.О., 1970. С. 285–286, 288–289, 294–295, 301–302).

Однако для основной массы крестьянства хозяйство оставалось именно земледельческо-скотоводческим и в этом симбиозе ведущая роль принадлежала земледелию, которое и определяло преимущественный профильный характер (направленность) скотоводческой отрасли.

В этнографической литературе неоднократно указывалось, что пашенное земледелие могло сложиться лишь в результате симбиоза ручного земледелия со скотоводством (Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А., 1971. С. 172), что значительное земледелие предполагает «развитое скотоводство, поскольку обе эти отрасли связаны между собой», что главной целью разведения скота была «потребность в рабочем скоте для нужд земледелия» и что выдвигание земледелия «со своей стороны было определено развитыми формами» скотоводства (Мкртумян Ю.И., 1972. С. 65; Мкртумян Ю.И., 1968. С. 16; Шамиладзе В.М., 1979. С. 215).

В целом формулировку местного жителя, что для Дагестана (горного) ослы служат для перевозки тяжестей, быки для земледелия, лошади для верховой езды (Каранайлов О., 1884. С. 5), можно считать вполне адекватной и справедливой.

Не менее точную оценку целевого содержания скота дает русский наблюда-

тель Н. Абельдяев, который, отметив, что скотоводство «не в лучшем положении» (в другом месте его работы выяснится, что речь идет о овцеводстве), добавляет: «Каждый, правда, имеет несколько штук рогатого скота, но держит его только для обрабатывания земли (!) и перевозки тяжестей на арбах» (*Абельдяев Н.*, 1857. С. 25).

Почти все наблюдатели, исследователи, даже если считают разведение крупного рогатого скота (в дальнейшем – КРС) в отдельных местах Дагестана незначительным, маломасштабным, непременно добавляют, что основным назначением его содержания были земледельческие работы, перевозка грузов, что в целом разведение КРС преобладало и «животноводство в целом как отрасль производства было подчинено земледелию» (*Карганов и Даитбеков*, 1902 С. 24–25; *Алиев Б.Г.*, 1972. С. 52). Косвенным подтверждением приоритета земледельческой отрасли служит, к примеру, статья о дияте (возмещении) при убийстве в обычном праве Цекубского общества. В установленной, принятой величине возмещения в 30 коров сделана поправка: «Стоимость 15 коров взыскивается пахотными участками, расположенными в среднем расстоянии от селения» (*Памятники ...*, 1965. С. 93).

С другой стороны, разведение овец было как бы дисперсным, им занимались далеко не все хозяйства, и у большинства из них оно было вроде бы не хозяйственным, не имеющим особого значения для экономики крестьянина, «любительским», скажем, на случай срочной надобности в мясе (болезнь близкого человека, которому нужен какой-то орган животного, приход уважаемого гостя или кунака) или в небольшой сумме денег и т.п.

Сказанное убедительно подкрепляется статистическими материалами. Например, в Курахском (Кюринский округ) и Уркарахском (Кайтаго-Табасаранский округ) участках овец не имели соответственно 63,3 и 83,2% хозяйств, в то же время не имеющих КРС было 22,4 и 26,6%. В Уркарахском участке было 13 овец на одно хозяйство, а у фактических владельцев – 78 гол., такие же показатели по КРС различаются незначительно: 2,3 и 3,1 гол. на хозяйство.

В целом по Кюринскому округу в 1886 г. не имели овец более двух третей хозяйств, в то же время 484 хозяйства (3,3% хозяйств) владели 54,2% всего поголовья овец, и из них 121 хозяйство (менее 1%) сосредоточило в своих руках 30% овец (*Хашаев Х.М.*, 1961. С. 92; *Дагестанская область...*, 1890. С. 168–169; *История Дагестана*, 1968. С. 179–180; *Пастухов А.В.*, 1894. С. 9–10; *Erckert R.*, 1887. S. 204; *Анучин Д.Н.*, 1884. С. 428). В целом по Дагестану овец не имели 66% хозяйств (*Нахшунов И.Р.*, 1956. С. 75; *Хашаев Х.М.*, 1959. С. 55). Если взять количество КРС и овец с учетом их видового соотношения, то в Аварском округе удельный вес КРС вдвое превышал удельный вес мелкого рогатого скота (в дальнейшем – МРС) в Гидатлинском участке – также вдвое, Куядинском – почти вдвое (Гунибский округ), в Мекегинском – в 1,5 раза (Даргинский округ), Кумухском (Казикумухский округ) – вдвое, Кара-Кайтагском (Кайтаго-Табасаранский округ) – в 3,5 раза и т.д. (*Дагестанская область...*, 1890. С. 126–211).

В заключение этого экскурса приведем высказывание Н. Абельдяева, раскрывающее его слова о «не лучшем положении» скотоводства: «Овец только богатые имеют значительное количество, прочие же совсем не держат или имеют их только по несколько штук» (*Абельдяев Н.*, 1857. С. 25).

Известно, что со стороны человека «степень заботы о домашних животных находится в прямой зависимости от их роли в хозяйстве» (*Шнирельман В.А.*, 1977. С. 41). Поэтому позиция дагестанской общины, отодвигавшей на задний план интересы содержателей овец и вообще нужды этой отрасли в целом, выглядит вполне логичной и понятной. Удивляет другое. Как видно из материалов (да и прямые указания наблюдателей имеются по этому поводу) – овец держали по преимуществу состоятельные и порою довольно богатые члены общины. Однако добиться выгодных условий, дающих им возможность извлечь выгоду (прибавочную стои-

мость) за счет использования выпасных общинных угодий, им не удавалось (за некоторыми исключениями).

Более того, в большинстве случаев, при том радении, которое община оказывала другим видам скота, особенно КРС и особенно рабочей его части, по отношению к условиям содержания овец община выступала как партнер в экономической арендной сделке.

Частично нам уже приходилось говорить об этом, теперь же мы хотим отметить этот вопрос на фоне отношения общины, ее органов власти и принуждения к земледельческой отрасли хозяйства поселения.

Разумеется, в этих арендных отношениях были разные степени адекватности платы общине и экономической выгоды для владельцев овец. Наиболее распространенный и выгодный для барановода способ заключался в том, что последний использовал сельское летнее пастбище (гору) в теплое время года и по возвращении с пастбища устраивал всеобщее угощение или же раздавал определенное количество голов МРС или мяса бедноте аула, особенно вдовам, сиротам, не имевшим поддержки старикам. Иногда количество раздаваемого поголовья оговаривалось в начале сделки, но чаще этого не происходило. Правда, в последнем случае скупой скотовладелец рисковал лишиться возможности использовать пастбища в следующем году.

Поэтому многие общины предпочитали договорно-обусловленную сдачу пастбищ на выпас овец. При этом главенствующим был, как правило, экономический принцип – пастбища сдавали тем, кто больше платил, независимо от того, односельчанин это или нет. Так, например, в с. Гинта две пастбищные горы Кабкая и Гъумрила бекI сдавались барановодам за 70 баранов, мясо которых осенью раздавалось подушно всем членам общины (*Османов М.О.*, 1962–1963, 1966. С. 74)¹.

Характерно, что община, как правило, не считала себя ответственной за обеспечение выпаса овец, если пастбищ для других видов скота было мало. Места для выпаса овец вообще не выделялись, и барановоды вынуждены были искать пастбища в других обществах. Так, Сюргинский союз обществ, имевший в избытке летние пастбища, сдавал в аренду барановодам 14 из 45 своих пастбищных гор (Даргинский округ..., 1887. С. 66–81). В с. Амух со «своих» крупных владельцев отар, использующих сельские пастбища, брали по одной овце с каждых 40 овец, которые распределялись между бедными семьями. Община с. Урари получала с членов общины с. Дуакар (оба входили в Сюргинский союз) за выпас овец на своих пастбищах по 1 фунту масла с каждого хозяйства. Община с. Салта за оказанную помощь подарила общине с. Цудахар, испытывавшей недостаток в пастбищных угодьях, пастбищную гору (*Османов М.О.*, 1979. С. 153; 1976. С. 195). В некоторых обществах помимо арендной платы была обязательна раздача продукции овцеводства. Например, в обществе Келеб владельцы овец по возвращении с летних пастбищ обязаны были сверх платы раздать в ауле овечий сыр с трех доек всех своих овец (*Османов М.О.*, 1977. С. 31).

Помимо такого игнорирования потребностей МРС в пастбищном содержании, община предусматривала и жесткие санкции за содержание овец в ауле, на выгонах, собственных хуторах в летнепастбищный период, но об этом лучше сказать при изложении вопроса о запретах, связанных с поправами, т.к. ограничения на содержание любых видов скота (и прежде всего овец) в ауле имели вполне определенную цель – не допустить поправок посевов, а также выгонов и пастбищ, предназначенных для рабочего и дойного скота.

В связи с вопросом о санкциях считаем необходимым сделать некоторые

¹ Ссылки на него, т.к. его очень много, делаются, во избежание перегруженности текста, в исключительных случаях.

разъяснения. Обычное право – это именно право, т.е. совокупность определенных правил, положений, устанавливающих нормы поведения членов общества, выполнение которых обеспечивается властными органами в принудительном порядке. Однако круг обязанностей и прерогатив общины гораздо шире: она не только обеспечивает соблюдение правил, она должна и сама их устанавливать сообразно складывающимся обстоятельствам, она разрешает прецеденты и в известной мере создает новые правовые нормы. Кроме того, община имеет планирующие хозяйственно-правовые функции, она должна обеспечить нормальное, гармоничное функционирование всего многоотраслевого хозяйственного организма, что было совсем не просто, учитывая почти повсеместную скудость земельных ресурсов; противоречивость интересов обеих главных отраслей хозяйства – земледелия и скотоводства, в объеме, степени и способе использования и утилизации всей совокупности сельскохозяйственных угодий; а также неизбежный даулизм между общинной и частной формами собственности в способах реализации продуктивных ресурсов и возможностей сельскохозяйственных угодий.

Поэтому община в промежутке от окончания сбора всех видов урожая до начала весенних работ прежде всего определяет состояние наличных угодий всех видов (истощенность, выбитость, влагонасыщенность, плодородность и т.п.) и соответственно производит распределение угодий по профилям хозяйства и видам скота.

Если есть необходимость – делит угодья всех видов на две половины – посеваемую и выпасную с указанием точных их границ. При этом учитываются только общесельские хозяйственно-экономические соображения, виды собственности совершенно игнорируются, даже если в селении имеются угодья феодальных владетелей.

Планирование и распределение – это главные хозяйственные функции (работки) общины, но, чтобы обеспечить их реализацию, община вводит ограничительные меры, устанавливающие временно или постоянно закрытые участки, назначение, время, сроки и степень использования угодий (например, на выпас, выкос, использование или запрет на утилизацию отавы, стерни и т.п.).

И только на следующем этапе общинные планирующие правовые установления смыкаются с нормами обычного права. Иными словами объявляются меры, установления запретительного характера, призванные обеспечить выполнение запланированных действий общины по регулированию хозяйственного организма, осуществлению наиболее эффективных и плодотворных действий для получения результатов своей хозяйственной деятельности.

А запреты, как известно, не обладают потенцией самоутверждения, они должны сопровождаться принуждением, карами за их нарушение, наказаниями, что было достаточно подробно сформулировано в нормах обычного права.

Поскольку главным содержанием хозяйственно-организационных мероприятий было планирование, направленное на гармоничное функционирование и максимальную продуктивность обеих главных отраслей хозяйства – земледелия и скотоводства, постольку основным в этом главном было правильное, с учетом всех факторов, действовавших с окончания предыдущего хозяйственного года, распределение угодий по назначениям.

При этом община, сообразуясь с наличествующими обстоятельствами и состоянием угодий, могла произвести перепрофилизацию отдельных из них – пахотный участок (урочище) мог быть объявлен выпасным, пастбищный – покосным, покосный – выпасным и т.д. Характерно, что община совершенно игнорировала при этом форму собственности этих перепрофилируемых угодий: действовало непреложное правило – земля хозяйская, но закон – джамаата.

В этом распределении угодий по назначениям главное место занимали пахотные угодья; производство максимально возможного при имеющихся ресурсах количества хлеба оставалось главной сельскохозяйственной и экономической зада-

чей дагестанской общины от равнины до высокогорья. Но даже при паритете главных отраслей особое внимание и забота уделяются именно сохранению посевов. Так складывается главная охранительная функция общины, включавшая в себя меры, ограничивающие возможность нанесения нивам ущерба человеком или скотиной, запрещающие (запретительные меры) те или иные действия, поступки, причиняющие вред посевам, наносящие ущерб урожаю кем бы то ни было, чем бы то ни было, каким бы то ни было образом вольно или невольно, с умыслом (тогда наказание многократно увеличивается) или без умысла, по неведению, ошибке и т.п. А для того, чтобы эти ограничения и запреты соблюдались, неукоснительно выполнялись, община посредством установлений (карающих) обычного права предусматривала наказания нарушившим общинный хозяйственно-экономический правопорядок.

В том, что посевы занимали исключительное место в ряду охраняемых сельскохозяйственных объектов, кроме экономических, были и специфические обстоятельства. Посев, нива не может подняться, пойти и нанести вред скотине, в то время как она легко может причинить ниве непоправимый ущерб. Далее, потрава посева или нанесение вреда многолетнему насаждению намного ущербнее, невосполнимее, чем потрава покоса или тем более пастбища: можно сказать, что вред в данном случае почти непоправим. Эту объективную «пассивность» посевов по сравнению со скотоводством (скотиной), становившуюся очевидной при одинаково масштабных земледелии и скотоводстве в комплексном хозяйстве, всегда учитывали в крестьянской (земледельческой) общине. В русской деревне до XVI в. был так называемый «вольный выпас» (свободный выпуск скота на выпас в пределах угодий деревни), который с ростом земледельческого освоения земель стал сопровождаться огораживанием с целью предупреждения потрав посевов. Некоторые исследователи даже полагают, что «выход на летовку в горы был связан, прежде всего, с желанием избежать потрав посевов» (*Шнирельман В.А.*, 1980. С. 233, 237). Думается, здесь надо учитывать и экономические, и экологические моменты: если пастбищ и выгонов на месте достаточно, то уход на летние пастбища нецелесообразен и в экономическом, и в бытовом отношении; если речь идет о жаркой равнине, где летом вся растительность высыхает, то уход на летние пастбища (яйлагы) был просто неизбежен уже только по той причине, что скот негде выпасать, остальные причины и обстоятельства только сопутствуют основной, накладываются на нее.

Естественно, что община, установив профильное использование и занятость угодий, порядок и последовательность работ на них, в том числе снятие урожая; временную смену профильного использования (стерня пахотных и отава на выпас), обусловленную нехваткой сельскохозяйственных угодий; вывоз урожая с поля, время и последовательность уборки фруктов и винограда и т.п. (убедительный пример подобного планирования, распорядка работ и «пересменки» в назначениях угодий приведен в отношении с. Араканы М.А. Агларовым (*Агларов М.А.*, 1981. С. 13–15; 1988. С. 57), в первую очередь должна была позаботиться о целостности, неприкосновенности, сохранности в полном объеме имеющихся в пределах и распоряжении общины угодий. В данном аспекте никакое право частной собственности, в том числе мюльковой, даже известной вековой принадлежностью определенной семье, не принималось во внимание.

Иными словами, проводя все эти меры в принудительном порядке, община на базе обычного права осуществляла полный и безоговорочный суверенитет в формах использования всех категорий сельскохозяйственных угодий общины всех форм собственности, даже феодальной. Феодалы вынуждены были считаться с общинными полеоборотами, закрываниями и открываниями разных видов угодий, рекомендациями и запретами, ибо практически не могли использовать по своему

усмотрению находящиеся в пределах сельской округи (и прилегающие к ней) свои угодья. Другое дело отдаленные угодья, которые они преимущественно сдавали в аренду. Эта традиция была закреплена даже в обычном праве шамхальства, в котором ближние к селению пастбища феодалов автоматически входили с февраля по август (т.е. во время принудительных полеоборотов) в общесельский круговорот использования угодий (Хашаев Х.М., 1959. С. 48–49).

Другой аспект принудительных установлений общины. Существует известное высказывание Ф. Энгельса, что «принудительный выпас естественно требовал, чтобы время посева, как и жатвы, не зависело от воли отдельного лица, а было для всех общим, устанавливалось общиной или обычаем» (Энгельс Ф., Т. 20. С. 334).

Нас смущает в этом предложении исходная посылка и следующий из нее вывод: выпас требовал определения сроков жатвы. Руководствуясь нашим материалом, мы бы сделали, по крайней мере для дагестанской общины, перестановку – необходимость защиты посевов, урожая требовала определенных мер по организации принудительного оборота выпасных угодий. Во многих случаях подходит более взвешенное, компромиссное решение – интересы сохранения посевов (и урожая) и организации рационального выпаса скота требовали принудительного полеоборота (круговорота всех видов угодий).

Возвращаясь к вопросу сохранения угодий, отметим, что, например, в Андалалском союзе обществ за продажу иносельчанину собственного пахотного участка взыскивалось с продавшего участок 300 овец, а участок отчуждался в пользу общины. Более взвешенно оценивается подобный проступок в Келебском союзе – за каждый день, прошедший до расторжения сделки (включая и дарение) или добровольного самоизгнания владельца, – 1 бык (стоимостью 8 овец) в пользу джамаата (Памятники..., 1965. С. 62, 75, 77). Характерна эта оговорка насчет дарения – получалось, что хозяин участка (отец, например) не мог отказать свой участок сыну или дочери, проживавшим в другом, даже соседнем, селении. Даже за сдачу в аренду пахотного участка жителю другого селения с владельца участка взимались в качестве штрафа в пользу общины 2 овцы каждый день (также до расторжения сделки или самоизгнания). Более того, и за продажу навоза в другое селение следовало суровое наказание – одна овца. Если же хозяин был неаккуратен в исполнении предписания, у него отбирали отрезок пахотного участка равный Исмаилл хур, то есть участку Исмаила (Памятники..., 1965. С. 75, 96, 102). Эта мера наказания явно произошла от определенного прецедента, возможно, это был участок стандартной формы – например, одной меры посева.

Удобрению посевов община также уделяла особое внимание. Ведь от правильного и достаточного удобрения в значительной степени зависели объем и качество будущего урожая. И в этом аспекте своей деятельности община властно вмешивалась в отправление общинником функций, которые в любой другой ситуации (месте) касались бы только его одного. Если участок члена общины не удобрен, или получил удобрение недостаточно, исполнители должны были выяснить причину, а община наказать нарушителя, нерадивца или, напротив, ему помочь.

Если же выяснялось, что плохо, недостаточно удобренным окажется участок общинной или вакуфной пахотной земли (т.е. общественной), опять следовало суровое наказание. Нормой, как правило, считалось наличие кучи навоза (т.е. одного ослиного вьюка) через каждые 4 локтя (два метра), а в саду – у каждого дерева (Памятники..., 1965. С. 81, 96, 133).

Также категорически запрещалась вспашка общественной земли, участка, не выделенного общиной: ведь это, помимо прочего, означало нарушение спланированных сельских полеоборотов. Поэтому к пункту об изъятии выращенного и о взимании штрафа (2 котла весом в 4 ратала каждый) в установлениях Гидатлинского союза обществ имеется характерное добавление: «Если кто-либо своим ско-

том потравил урожай на присвоенной вышеуказанным образом земле, то с него не взыскивается ни компенсация, ни штраф» (*Хашаев Х.М., Саидов М.С., 1957. С. 27*). Отметим, что наказание за подобное посягательство на пахотное угодье частного владельца было более мягким: этим лишний раз демонстрируется более строгое отношение общины к посягательствам на общинную собственность: «Если кто засеет чужое поле без позволения хозяина, то вся жатва, за исключением семян, которые возвращаются засевателю, поступает в пользу хозяина земли» (*Адаты..., 1875. С. 16; Адаты..., 1899. С. 523*). И подобные двойные стандарты повторяются и в обычном праве, и в частных, прецедентных установлениях и решениях общины, хотя, с другой стороны, базовым правовым положением являлось правило равноправия общины и члена общины в их экономических и правовых взаимоотношениях. Каждый член общины считался владельцем не только своей мюльковой собственности, но и всей совокупности общинных угодий, он имел равное со всеми другими, в том числе и самой общиной, право пользования ими, извлечения из них для себя определенных выгод, пользы, продукции и т.п. Однако в этом своем пользовании он обязан был руководствоваться правилами, изустно или письменно зафиксированными, обязательными и для каждого в отдельности, и для общины в целом. И поскольку общинные органы правопорядка были избраны ими самими и были в достаточной степени подконтрольны и подотчетны, член общины должен был подчиняться их исполнительным действиям. Вместе с тем в случае возникновения конфликта с общиной он является в отношениях с ней равноправной стороной при обжаловании и рассмотрении ее решений вышестоящими органами (совет старейшин или кадий союза обществ) или третейским судом, в частности взаимосогласованными лицами, известными своими знаниями, мудростью и справедливостью. Решения этих инстанций являлись обязательными для обеих сторон.

Так, например, член общины мог оспаривать право собственности на определенный участок с общиной. В этом случае она обязана послать на спорное место нескольких знающих людей из нейтральных тухумов, любому из которых общинник мог дать отвод, и их решение считалось окончательным. В Андийских союзах обществ выбирали 15 стариков, которые на месте уточняли и определяли спорные границы, и их решение также являлось окончательным (*Хашева Х.М., Саидов М.С., 1957. С. 19; Адаты..., 1899. С. 423*). Удивительная статья, возводящая на большую высоту права общинника во взаимоотношениях с общиной, имелась в обычном праве даргинцев уцмийства (XVII в.): «Если человеку во время отлучки, без всякой его вины, в результате ссоры, грабежа, засады его аулу, ему самому, его стаду или имуществу, главе аула, талкану или узденю с целью или по ошибке будет причинен убыток, то убыток этот должны возместить Дарго и жители селения в семикратном размере» (*Магомедов Р.М., 1957. С. 30*). Обратим внимание: глава села, хан и уздень поставлены в один ряд, как бы подчеркивая, что в этом деле для обычного права все без исключения юридически равны.

С другой стороны – выборные представители неприкосновенны, иначе невозможно обеспечить соблюдение норм права и поддержание порядка. Поэтому «если при охране посевов гидатлинцев мангуш (общинная охрана) нанесет кому-либо побои, то за это не несет ответственности, не платит штрафа, не возмещает убытки, не обязан дать выкуп». В Келебском обществе за драку с сельскими исполнителями – штраф один бык, стоимостью шесть овец (*Хашаев Х.М., Саидов М.С., 1957. С. 27; Памятники..., 1965. С. 75*). Очень характерный случай был предусмотрен в Андалалском союзе обществ – за удар, нанесенный исполнителю, здесь тоже штраф один бык, но если это произошло с согласия всех жителей аула – 300 баранов с аула (*Памятники..., 1965. С. 63*). Полагаем, что в данном случае речь идет или об исполнителе, назначенном по конкретному случаю в отдельное

селение, или, что представляется более вероятным, имеется в виду приглашенный из другого аула третейский представитель. Сходная статья имеется в своде установлений кайтагского уцмийа Рустем-хана: «У кадия, чоуша (исполнителя. – Авт.), нарочного, старика и ученика барамты (захватное взимание долга. – Авт) не брать», если кто возьмет – штраф (*Комаров А.В.*, 1868. С. 84).

Однако имелась еще одна сторона, явно обнаруживающая тенденцию предупреждения самоуправства, несправедливости и мздоимства со стороны представителей выборных органов общины. Например, в своде установлений союза Андалал прямо сказано: кто из старейшин или исполнителей возьмет взятку – с него штраф один бык. Более интересное положение имеется в своде Келебского союза: «По истечении годичного срока работы сельские исполнители обязаны подтвердить присягой и присягой с разводной формулой (на развод с женой хатун-талак, считалась самой тяжелой и обязывающей. – Авт.), что все штрафы за этот год они взыскали невзирая на людей». Если откажутся – штраф по одной овце (*Памятники...*, 1965. С. 64, 77).

В данном случае страшен не объем штрафа, ведь отказавшийся признает себя взяточником и навсегда лишится уважения и возможности быть избранным в органы общинного самоуправления.

В адатах Цекубского общества была предусмотрена статья: если старейшины присвоили штрафное имущество – с каждого присвоившего штраф одна овца. В этом же своде правовых установлений, одном из самых продуманных и разработанных, предусмотрено взимание одной овцы «от исполнителей и старейшин за плохую работу». И в то же время этот свод предусматривает штраф в одну овцу «с того из старейшин, кто откололся и отказался принимать участие в установлении общественного порядка» (*Памятники...*, 1965. С. 96, 98, 99).

Аналогичная статья имелась в гидатлинском обычном праве: «Если очередной мангуш (глашатай, часто руководитель исполнителей. – Авт.) не взыскивает полагающийся штраф или компенсацию, то мангуш должен внести своему аулу котел как штраф за неповиновение» (*Хашаев Х.М., Саидов М.С.*, 1957. С. 37). И, наконец, замечательная (нам бы такую) статья кодекса Умму-Хана Аварского (Справедливого): «Запрещается назначать начальниками в одном месте отца и сына, или двух родных братьев, или двух двоюродных братьев», если окажутся такие – снять младшего (*Памятники...*, 1965. С. 265).

Вводя в целях рационализации и гармонизации отраслей хозяйства принудительные севообороты, община понимала, как трудно будет это осуществить в условиях постоянного и каждодневного, обусловленного сущностью объектов и субъектов этих отраслей латентно им присущего противостояния, противоречивости их интересов. И совершенно справедливо полагала, что наилучшим средством для этого явилось бы их разделение, отдаление друг от друга.

И, поскольку сами уголья раздвинуть, отдалить невозможно, оставался один путь – отдалить от нив и сенокосных угодий скот, не оставлять его поблизости от них.

Так родилась хорошо продуманная и жестко контролируемая система недопуска в селение, близко к посевам, видов и категорий скота в летнее время, в вегетативный период, когда зарождались ростки и накапливалась продуктивная масса будущего урожая.

Принцип был один – все виды и категории скота должны быть объединены в стада, отары, табуны, гурты и т.п., для которых отводятся места для выпаса. Каждый член общины имеет право присоединить свой скот, независимо от его количества, к общему стаду. Запрет только один – скотина должна быть здоровой, не больная (существовало даже специальное наказание за несообщение о заболевании своей скотины). В присельской округе оставался лишь скот, необходимый для хозяйственных и бытовых нужд, но количество и время пребывания его в ауле строго регламентировались. В итоге получалось, что в присельской округе чаще

оказывались стада коров и рабочего скота, для которых всегда выделялись наиболее качественные и удобные для реализации их функциональных назначений выпасные угодья.

Довольно подробно останавливается на этом аспекте обычного права известный специалист в этой области А.В. Комаров. Он указывает, что «частые потравы, удобство воровать безнаказанно хлеб с поля и фрукты из садов были причиной установления некоторых адатов, служащих как бы предохранительной мерой против потрав и воровства подобного рода». В числе таких мер он указывает: 1) ограниченное количество скота на дворе (только лошадь, рабочий скот, 1–2 барана), и, причем хозяевам вменяется в обязанность наблюдать, чтобы содержащаяся ими в селении скотина кормилась дома, а не выпускалась на поля; 2) на хуторах, устроенных в пахотных местах, разрешается жить только в рабочее время, которое «определяется старшинами по совету с почетными людьми»; 3) нельзя срывать виноград до указанного времени даже в собственном саду, в некоторых местах запрет «распространяется на кукурузу, грецкие орехи и некоторые другие фрукты» (можно срывать только для приезжего почетного гостя) (Комаров А.В., 1868. С. 61). Это очень точная характеристика существовавшего положения в Дагестане в исследуемый период. В адатах Цекубского общества, например, указывается, что, когда скот находится на летних пастбищах, никто не должен оставаться в селении или на хуторе со своим скотом. А если кто пустит скот на запретные места (пахотные участки, сенокосы) – штраф одна коза (Памятники..., 1965. С. 101). В Цудахарском союзе обществ разрешалось держать летом двух баранов – лишних исполнители имели право зарезать на месте обнаружения (Адаты..., 1873. С. 123). В Акушинском союзе разрешалось держать во дворе жеребца, волов, пока есть рабочая надобность, и не более двух баранов, но наказание более взвешенное – замечание, второй раз штраф тургакам (исполнителям) 20–25 коп., и только в третий раз лишних баранов резали. Более четко этот адат представлен в Мугинском союзе – держать во дворе можно только одного барана, лишних тургаки режут сразу, а лошадь и волов можно держать лишь один день, за нарушение – штраф по усмотрению джамаата.

Дифференцированный подход был и в Усишинском союзе: от выгона скота на хутора до перевода в горы можно было держать 3-х баранов, с этого времени до начала лета – 2-х, и до спуска с гор скота – не более одного. Лишних тургаки могут зарезать (Адаты..., 1873. С. 109; Адаты..., 1899. С. 128, 170, 235–236).

В Урахинском союзе баранов вообще не разрешалось держать на дворе, за одного найденного брали сах зерна, но если находили более двух, «тургаки имеют право зарезать их». Лошадь разрешалось держать три дня (если больше – штраф 3 руб.), быка и буйвола – тоже (штраф 1 руб.), корову, теленка и осла – тоже (штраф – 0,5 сабы зерна, примерно 12 кг.) за теленка 1 сах зерна (3–4 кг.). Однако в рабочую пору волов разрешалось не выгонять в стадо. И в этих горных селениях, и в горнодолинном союзе Хиндалал (Койсубу), и в равнинном Утамыше овец не допускают в присельскую округу для предупреждения ущерба наносимого ими посевам, не пускали без разрешения общины даже на собственный хутор своих же истощенных овец (Адаты..., 1899. С. 215).

Однако одни запреты на содержание скота в ауле (дома) летом проблемы сохранности нив и урожая не могли решить. Поэтому в обычном праве большое место занимали статьи, предусматривающие строгие, подчас чрезвычайные, «неподъемные» наказания за потравы посевов, их порчу, поджоги, вытаптывание и т.п. Во всех союзах обществ андийцев «за проложение дорожки через пахотное поле и покосное место взыскивается одна мера пшеницы».

Дифференцированное наказание было предусмотрено за выпуск овец и другой скот на вспаханные и неспаханные пахотные участки – штраф один баран весной при за-

держке и одна мера зерна осенью после сбора урожая (Памятники..., 1965. С. 78, 133).

В Сюргинском союзе за потраву посевов и покосов было положено удовлетворение хозяину и штраф 3 руб. джамаату. В Мегекинском союзе вознаграждение хозяину давалось в половину сделанной им (с женой) и представителями общины оценки ущерба и вдобавок 3-годовалый бычок, а общине – штраф 1 бык. Однако, если произошел только заход скота на участок, без потравы, то хозяин скота платил только штраф (Адаты..., 1873. С. 57, 82, 123; Адаты..., 1899. С. 148, 149, 190). Очень суровым было наказание даже за заход скотины в сад летом в Кара-Кайтаге: «Если чья-нибудь скотина зайдет в чей либо сад, даже и в свой, то она режется и потребляется обществом» (Адаты..., 1899. С. 578; Адаты..., 1875. С. 46). Однако уже в соседнем Табасаране наказание гораздо более мягкое: если «скотина найдена в виноградном саду, во время поспевания винограда, то хозяин ее платил курухчи (исполнителю. – Авт.) одну сабу пшеницы» (Адаты..., 1875. С. 31) (Это при условии, что скотина не нанесла ущерба). Вообще надо сказать, что в Южном Дагестане, где обеспеченность хлебом была несколько лучше и община была не столь сильна и «властолюбива», наказания были не столь суровы, и штрафы в пользу общины, взимаемые помимо ущерба, нанесенного пострадавшему, были невелики и иногда даже отсутствовали. Так, например, в Верхнем Кайтаге при потраве участка два человека из доверенных лиц «определяют убыток, за который виновные обязаны удовлетворить обиженного». И все. В Кюринском округе за потраву «хозяин скотины отвечает по оценке». И никаких штрафов. Правда, в другом месте, где также речь идет о двух доверенных лицах и определенной ими стоимости ущерба, «который возмещается пострадавшему», имеется пояснение об исполнителе: общество «для сбережения житейских хлебов и покосов назначает караульщика (курухчи), который следит за тем, чтобы скотина не травила оберегаемых им полей». И далее дается шкала штрафов: за пойманную скотину в первый раз – 1 хлеб, «второй и далее по одному киле (5–6 кг) пшеницы или другого хлеба» (Адаты..., 1875. С. 16, 31, 40).

Подробно дифференцированы наказания за потравы в Урахинском союзе: если скотина выпущена на ниву до колошения, то за лошадь, мула, буйвола – 1 саба (24–25 кг) зерна, за быка – 0,5 сабы, за корову и осла – 2 саха (6–8 кг), за теленка, барана и козла – 1 сах. Это относительно к тому, была потрава или нет. Если были колосья – оплата убытка хозяина. Но если при скотине был хозяин или пастух, то дополнительно тургакам дается штраф по шкале наказаний за потраву неколосившегося поля. Этот штраф взыскивается независимо от наличия или отсутствия колосьев (Адаты..., 1899. С. 214).

Детальности разработки отдельных статей, вернее предусмотрение разных ситуаций, градация и стратификация их по тяжести преступления, случайности, вольности или невольности, умысла и т.п. в обычном праве просто поражают. Прямо римское право или кодекс Наполеона. И эта предусмотрительность помогает не только профилактике нарушений и преступлений, но и обеспечивает большую эффективность действия правовых норм, меньшую конфликтность при исполнении наказаний, так как противостоящие стороны, особенно провинившийся, видят, знают, что за такое положено именно такое наказание, т.е. редко бывало, чтобы тяжущиеся были недовольны, считали решение несправедливым, неадекватным составу нарушения, преступления. Этому способствовало и то, что полноправный член общины всегда имел возможность апеллировать к вышестоящим выборным органам, вплоть до общесельского схода. Вот, например, такая ситуация: за потраву полагалось пострадавшему возмещение ущерба и штраф 3 руб. общине. Но вот выясняется, что при скотине был хозяин или пастух, и тогда в пользу общины взимается не 3 руб., а 7 быков! Или другой пример: потрава произошла ночью, вероятен умысел, и хозяин скотины (или пастух) должен дать

самую тяжелую и нелюбимую клятву на развод (хатун-талах). Опять продуманная профилактика (Адаты..., 1873. С. 42, 62, 109; *Магомедов Р.М.*, 1957. С. 34). Любой хозяин или пастух, зная о такой мере наказания, уже постарается не допустить поправки чужого посева.

Еще один пример дифференцированного подхода при оценке разных ситуаций. Помимо удовлетворения ущерба по оценке пострадавшему, полагалось тургакам за обнаружение поправки и скотины на покосе 1 серп в 20 коп. или 1 сах пшеницы. А вот за те же действия в отношении посева тургаку положено 1 руб., если дело было днем, и 3 руб., если это было ночью (Памятники..., 1965. С. 96; Адаты..., 1873. С. 109; Адаты..., 1899. С. 235–236), т.е. оценка за предотвращение поправки посева больше в 5 (днем) и 15 (ночью) раз.

И еще один нюанс, показывающий, какое значение придавало обычное право сохранности посевов. В Усишинском союзе при порче имущества для доказательства претензии пострадавшему нужен свидетель, который с одним родственником присягает на хатун-талах. А «по поправкам посевов и покосов достаточно показания одного свидетеля без присяги» (Адаты..., 1899. С. 234).

Особая забота общины о земледельческой отрасли проявлялась и в ее отношении к КРС. Выше мы уже отмечали, что функционирование земледельческого хозяйства обусловлено ее симбиозом с рабочим скотом, а в Дагестане таковым был КРС, волы.

Особое положение волов выражалось прежде всего в том, что для них выделялись лучшие по кормовым качествам выпасы с учетом удобства их расположения к основным массивам пахотных угодий. Эти выделенные участки очень строго охранялись, никакой другой скот не мог быть туда допущен ни при каких обстоятельствах. Обо всем этом достаточно подробно говорилось в предыдущей нашей работе по исследуемой теме (*Османов М.О.*, 2005. С. 123–125).

Возвращаясь к нанесению ущерба посевам, отметим, что, к сожалению, общине приходилось принимать превентивные меры и против ущерба, причиненного человеком. И в определении тяжести наказания за эту провинность обычное право, община были довольно беспощадны. Например, в Цекубском обществе «за кражу одного снопа зерновых» помимо возмещения ущерба взимался штраф – 4-годовалый бык стоимостью 15 котлов. И тут же, чтобы не было споров об объеме украденного, – «с того, кто украл с пахоты хоть пригоршню колосьев» – выплата ущерба и штраф одна овца (Памятники..., 1965. С. 100).

В адатах даргинских обществ, предусматривающих за воровство возмещение ущерба и штраф джамаату 7 быков по 4 руб. каждый, имеется характерное добавление: «За воровство хлеба в колосьях штраф взыскивается вдвое» (тут упоминается еще пашня, гумно, мельница). (Адаты..., 1899. С. 123, 256; Адаты..., 1873. С. 121).

Даже в одном из богатейших хлебом аулов Дагестана – Башлыкенте обычное право предусматривает такую статью: «Если у кого с поля или с тока будут украдены снопы хлеба, то виновный обязан удовлетворить обиженного втрое против его потери. По подозрению в таком воровстве обвиняемый обязан очиститься с 40 человеками» (Адаты..., 1875. С. 62).

Характерно, что в обычном праве наказуемо не только деяние, но и намек, возможное намерение, что являлось достаточно эффективной профилактической мерой. Так, в Кайтаго-Табасаране, где было довольно развитое виноградарство, в установлениях обычного права был такой пункт: «Если кто пойман в виноградном саду, когда виноград зреет, то сторожа (курухчи) имеют право, хотя бы он не взял винограду, зарезать у него быка» (Адаты..., 1875. С. 29–30).

Был в практике хозяйственной жизни и быта общины еще один аспект, также жестко оговоренный в обычном праве. Кроме поправки и кражи была еще возможность порчи или поджога земледельческого имущества, и наказания за подобные

действия были также суровы и бескомпромиссны. Так, в обычном праве союза Андалал было предусмотрено: «Если кто-либо из наших подожжет ниву или дом, или имущество другого нашего» – штраф 100 баранов (Памятники..., 1965. С. 64). Обратим внимание – на первом месте указан не дом, а именно нива. И в установлениях обычного права даргинцев уцмийства предусмотрено: «Если огнем будет нанесен убыток снопам (и здесь на первом месте. – Авт.) или дому, привести у ответу сорок человек (это максимум. – Авт.). С уличенного во лжи взыскать в 10-кратном размере (Магомедов Р.М., 1965. С. 30).

В Табасаране за аналогичный поджог, в том числе «хлеба в снопах и на корню», помимо удовлетворения потерпевшему («по стоимости сгоревшего»), взимается в пользу общины штраф – 6 гол. КРС (или их стоимость).

Характерно, что в более бедных хлебом обществах Верхнего Кайтага (Гапш, Ганк, Муира, собственно, это даргинцы, находившиеся под протекцией кайтагского уцмия), за подобное деяние, включая «хлеб в снопах и на корню», удовлетворение определяется также «по оценке убытков несколькими лицами», но уже «в 2,5 раза больше противу оценки» (Адаты..., 1875. С. 30, 40).

Особо следует отметить внимание, уделяемое обычным правом правонарушениям, происходящим на мельницах.

Нет сомнения, что мельница как технологическое устройство с сугубо определенным функциональным назначением, как элемент хозяйственного быта традиционной культуры была составной частью земледельческой культуры. Более того, как отмечает выдающийся отечественный биолог и историк земледелия Н.И. Вавилов, мельница являлась одним из признаков древнего и высокоразвитого земледелия (Вавилов Н.И., 1957. С. 41, 210–211; Вавилов Н.И., Букин Д.Д., 1969. С. 103).

Признавая большую роль мельницы в хозяйстве и быту населения, община уделяла мельнице, организации ее работы огромное внимание, и оно отразилось, естественно, и в обычном праве. Нигде на Северном Кавказе мельничное производство не было таким масштабным, как в Дагестане, причем в горной, бедной в отношении хлеба, зерна части в меньшей степени. В крупнейшем селении Дагестана, в равнинном Губдене их было 57, но и в горном Акуша – 50. В Темир-Хан-Шурином «хлебном» округе одна мельница была на 50 хозяйств, Даргинском – на 30 хозяйств, высокогорном Самурском – на 41, Андийском – на 36 (Дагестанская..., 1890. С. 128–129; Даргинский..., 1887. С. 34–37, 78–81). Правда, на равнине в пореформенный период появились высокопроизводительные мельницы с вертикальной турбиной, их называли «русская мельница».

Несмотря на то, что мельницы были частные, община регулировала их работу. Именно община определяла плату за помол (25-я, 30-я и т.д. часть зерна), и каждый член общины знал эту таксу и имел право следить за соблюдением установленной нормы. В основе этих взаимоотношений лежал принцип: мельница твоя (хозяйская), но вода – джамаата, то есть принадлежит общине. Последняя часто регулировала и очередность помола, в первую очередь шло зерно вдов, сирот, стариков, или же проводила жеребьевку. Так, в Келебском союзе желающие смолоть зерно должны были собраться у одного из коров (печь для обжаривания зерна и выпечки хлеба) коллективного пользования и произвести жеребьевку (Памятники..., 1965. С. 79–80).

В соответствии со своим пониманием важной роли мельницы в земледельческом хозяйстве поселения и рассматривала община покушения на нормально ее функционирование, на ее имущество, а главное из него, как известно, принадлежало не мельнику, а членам общины, привозившим на помол свое зерно. Отсюда, скорее всего, и жесткость и даже чрезмерная в определении наказаний за кражу или порчу имущества мельницы. Ведь испортив даже просто подводящий к турбине (колесу) воду желоб, злоумышленник наносит вред не только мельнику, но и

всей общине, благополучию ее членов.

В приведенном нами выше наказании «за воровство хлеба в колосьях» в двойном размере в перечне проступков указана и мельница. Здесь же добавляется пункт о порче имущества: «Если умышленная порча сделана в мечети, на мельнице, на гумне или пашне (кроме потравы), то штраф тургакам взыскивается вдвое». В своде Акушинского союза добавляется, что сверх того взыскивается тургакам всего округа 14 котлов по 2 руб. Еще более суровое наказание было в Сюргинском союзе: убыток вдесятеро и штраф джамаату – 30 руб.

В Мугинском союзе за порчу жерновов на мельнице убыток взыскивается вдесятеро (Адаты..., 1899. С. 123, 127, 169, 190).

В Усишинском союзе за порчу на мельнице, в мечети, на пашне убыток взыскивался вдвое, джамаату штраф – один бык и тургакам всего округа, как и в Акушинском союзе, 14 котлов по 2 руб., примерно то же и в Цудахарском союзе, но за порчу на мельнице здесь, как и в Мугинском союзе, убыток восстанавливается вдесятеро (Адаты..., 1899. С. 190, 235–256, 258), а в Кюринском округе при воровстве с мельниц «взыскивалась с вора двенадцать раз стоимость украденного имущества» (Комаров А.В., 1868. С. 56; Адаты..., 1875. С. 10). Поэтому совсем не случайно, что в перечне деяний, за которые «везде определяется высшая мера наказания», А.В. Комаров указывает «воровство из мельниц, порчу жерновов».

Очень часто в числе самых тяжких проступков и прегрешений, за которые полагается «высшая мера наказания», называется кража или порча имущества мечети. Исследуемое время – это период восходящего распространения и развития ислама в Дагестане, позиции его становятся все сильнее, влияние на политику и быт все полновеснее и ощутимее. И в этих условиях адат, обычное право, находит наиболее верный путь отношения к исламу, его носителям и имуществу – он всячески их поддерживает, а преступления против них объявляет самыми тяжкими и наиболее жестко, бескомпромиссно и беспощадно наказуемыми. Однако обычное право и община проявляют в этом отношении и известную осторожность и не внедряют в правовые установления и наказания отдельные шариатские нормы, в частности, относительно усечения конечностей за воровство.

Особенно внимательна община к имуществу мечети, возможно потому, что это имущество во многих отношениях было и общинным как по происхождению, так и предназначению.

Очень характерное установление, подтверждающее такое уравнивание мечетского имущества с общественным, мы находим в обычном праве Келебского союза: «Если кто совершит кражу из мечети или у незащитного бедняка (!) в селении, то с него» в пользу потерпевшего «двухкратная стоимость краденного и штраф общине в 7 коров стоимостью 4 овцы каждая» (Памятники..., 1965. С. 76).

Своеобразной превентивной защитой мечетского имущества является пункт обычного права Цекубской общины: «Одна овца с того, кто засеет на вакуфном участке разные культуры, кроме пшеницы» (Памятники..., 1965. С. 98).

Самые суровые, можно сказать «неподъемные», в стиле «варварских прав» (о них и особенно их главном признаке «явной несообразности штрафов и возмещений» см.: Гуревич А.Я., 1970. С. 102, 104–110; Перциц А.И., 1986. С. 149–150) наказания за кражу из мечети имелись в Акушинском союзе и Кайтагском уцмийстве. В первом это вообще самое большое из известных нам наказаний за имущественные преступления: 161 руб. деньгами или имуществом, 35 быков (по 4 руб. каждый) и 8 котлов «определяется в Акуше за воровство из мечети» (Комаров А.В., 1868. С. 57).

Можно подумать, что Акуша хотела подтвердить свое положение центра союза союзов даргинских обществ (Акуша-Дарго), возглавляемого исламским духовным лицом – кадием. Не менее суровым можно считать наказание в уцмийст-

ве: «С того, кто украдет что-либо из мечети, взыскивать за уворованное вдесятеро и дом его разрушить» (*Комаров А.В.*, 1868. С. 56, 85). К числу самых суровых можно отнести наказание за кражу имущества из мечети в Цудахарском союзе – уворованное восполняется вдесятеро, штраф – вдвое (т.е. 14 быков), тургакам округа штраф тоже вдвое (14 котлов), кроме того обвиняемый объявляется канлы (кровником) всего джамаата как за убийство и подлежит изгнанию (*Адаты...*, 1899. С. 255).

Установления обычного права регулируют преимущественно внутреннюю жизнь общины – хозяйственную, бытовую, общественную, морально-этическую, поведенческую, этикетную и т.п. Оно так и должно было быть, ведь у общины были только внутриобщинные правовые прерогативы и функции, соответствующие органы самоуправления. Однако такое положение намного снижало эффективность правового регулирования нормами обычного права, и поэтому право в отдельных своих установлениях и соответствующих функциях выходило на межобщинный (общины одного союза), межобщинно-союзный (между союзами общин) и межгосударственный (союзы общин и феодальные государственные образования) уровень.

Отметим, что в этих взаимоотношениях община всячески старается подчеркнуть свой независимый характер, отсутствие всякого подданства, причем нередко в довольно резкой утрированной форме.

Приведем отдельные примеры. В Гидатлинском союзе общин «с жителей селения (союза. – Авт.), которые не оказывали помощи жителям других селений общества в охране лугов до периода сенокосения», – штраф 3 котла (*Хашаев Х.М., Саидов М.С.*, 1957. С. 29).

Оригинальное решение поземельного спора между двумя селениями союза предлагает обычное право Карахского сообщества: если одна из сторон заявит о желании принять присягу с указанным противной стороной числом соприсягателей – другое общество не имеет права отказаться от такой присяги. Далее. Если заявления обоих обществ подтвердят свидетели – оспариваемое делится пополам, если одно из обществ не приведет свидетелей – присуждается противной стороне. Специальная оговорка указывает, что свидетели из спорящего общества не допускаются (*Адаты...*, 1899. С. 422).

Категорически запрещаются обычным правом любые нападения одних сел на другие. Так, в кодексе Уммухана Аварского сказано: «Если жители одного аула самоуправно захватят луга и нивы другого аула, нарушив при этом обычаи края и законы кодекса, то соседние аулы должны заступиться и дать отпор нападающим». Если не сделают этого – с каждого из этих аулов – 10 овец (*Памятники...*, 1965. С. 268).

Вообще надо сказать, что в обычном праве народов Дагестана в исследуемый период отражается противоречивая картина положения и взаимоотношений общины и феодальных владетелей. С одной стороны, община категорически не приемлет никаких отношений своих членов с представителями феодальных сословий – шамхалом, ханами, беками, усматривая в них, и не без оснований, тенденцию вхождения общинников в сферу экономического и политического влияния феодалов. Так, в даргинских союзах (Акуша-Дарго) было принято своеобразное отгораживающее постановление: «Претензии по подозрению не допускаются на шамхалов, ханов, уцмиев, беков, но и от них на жителей Даргинского округа». (*Адаты...*, 1899. С. 260). Но с другой стороны, многие общины руководствовались кодифицированными именно феодалами сводами установлений обычного права – Уммуханом Аварским (Справедливым) и Рустем-ханом, уцмием кайтагским.

И что удивительно, даже в этих кодексах, казалось бы призванных закрепить верховенство феодальной власти (что в отдельных положениях наблюдается) и

определенную степень «подданности», зависимости общин и ее членов от феодалов, имеется много установлений, констатирующих и даже подчеркивающих независимость общины, ее противостояние, противоборство любым представителям феодального сословия. Частично мы касались этого вопроса в упомянутой статье (Османов М.О., 2005. С. 137–138).

С одной стороны, в кодексе прямо говорится, что «государству без талкана (хана. – Авт.), Дарго без суда, стаду без пастуха, войску без разумного, селу без головы – не быть», то есть провозглашается откровенная феодальная иерархия сверху донизу. Но с другой стороны, в этом же кодексе требуется не допускать нападения хана на селение, предупреждать его, если не послушается, оказать помощь подвергшемуся нападению, не принявшего в этом участие строго наказать и дом разрушить. И далее: «Перед талканом и чанка (сын феодала от неравного брака) не унижаться, того кто унижается изгнать из села», «Никто не должен завещать имение свое в пользу бека или чанки» – сделавшего это изгнать вместе с семейством и т.д. (Магомедов Р.М., 1965. С. 31, 32; Комаров А.В., 1868. С. 88).

Характерно, что во всех подобных случаях обычное право требует единства членов общины («сельчане должны быть единокорными») и строго наказывает отступников: если не вышел в согласованный «с умными людьми» поход – 100 танка (мера сыпучих тел от 8 до 12 фунтов) штрафа; если не вышел на помощь пострадавшим – дом разрушить, самого выселить; изгнать из села и обобщенное: «Если большинство будет на одной стороне и один откалывается без общего согласия, с него тысячу танка штрафа». Отметим, что и в наказаниях предусмотрено «равноправие»: «Пусть это наказание будет одинаковым и для узденя, и для талкана (!), и для чанки, и для лага». Другой вариант, более общий: «Бек, раб, чанка, уздень должны руководствоваться этими положениями» (Магомедов Р.М., 1965. С. 29, 32; Комаров А.В., 1868. С. 88).

Думается, что подобные статьи в обычном праве, причем в кодифицированных кодексах (Уммухана и Рустем-хана), являются свидетельством слабо развитых феодальных отношений и полного отсутствия феодальной иерархии.

Как это бывает в обществе с более развитыми феодальными отношениями, можно проиллюстрировать, в частности, на примере адыгов. Известный знаток общественного строя адыгов, их обычного права В.К. Гарданов указывает, что в системе композиций адыгского права «с особой яркостью отразилась глубина сословной дифференциации адыгского общества», дающая «строго регламентированную шкалу возмещений за причиненный ущерб имуществу или личности в зависимости от сословной принадлежности потерпевшего», то есть наблюдается нарушение принципа равного возмещения за равное преступление в пользу феодальных сословий. Однако, добавляет исследователь, у ряда племен (шапсуги, натухайцы, абадзехи), добившихся в первой половине XIX в. ограничения привилегий феодальной знати, постепенно ликвидируют сословную неполноценность и устанавливают единую шкалу композиций (Гарданов В.К., 1967. С. 227; 1964. С. 2, 7, 9).

Следует отметить, что если в XVII–XVIII вв. развитие обычного права шло по восходящей линии и вглубь и вширь, то в XIX в. оно претерпело существенные изменения как по социальному содержанию, так и по степени территориальной распространенности и правовой включенности (применяемости). Серьезный ущерб обычному праву в этих отношениях (аспектах) нанес имамат Шамиля, его низам, внедрение шариатских норм права и наибское управление – это открытое наступление на нормы адата. Возможно, сильное ущемление общинного самоуправления, базирующегося на обычном праве, которое имело место в имамате, в определенной мере отталкивало от мюридизма отдельные сильные союзы общин вроде Андалала или Акуша-Дарго. Всесильное и далеко не безупречное наибское управление тоже способствовало этому.

Второй удар по демократическому управлению на основе обычного права община как бы нанесла сама себе. С ростом имущественного неравенства в общине складывается определенная прослойка зажиточных людей, которым легче быть избранными и легче оставаться подольше на своих должностях. Появляются потомственные старейшины, исполнители. Принципы равного представительства, участия, получения равных имущественных прав и возможностей отходят на задний план. По форме все остается по-прежнему, фактически же складывается определенная имущественно-управительная, в известной мере правящая прослойка, которая, естественно, печется не об интересах общины, ее хозяйства, быта, а о своих собственных, шкурнических и властных интересах.

Третий удар обычному праву и общине нанесла царская администрация. Формально она восстановила общину и обычное право, создала так называемое военно-народное управление, но поставила ее полностью под свой контроль, лишила ее основных прав, судебных функций, ликвидировала выборность органов самоуправления и т.п. В качестве примера игнорирования местного права и традиций приведем предписание военного губернатора Дагестанской области от 27 сентября 1901 года: «При решении поземельных споров в Дагестане следует иметь речь только о праве пользования (!), а не о праве собственности» (Памятники..., 1965. С. 178). Царская администрация так и не признала за мюльковой крестьянской собственностью юридических прав собственности, местные владельцы считались лишь пользователями государственной земли (впрочем, точно так же поступила и советская власть).

В заключение отметим, что дагестанская сельская община в XVII–XIX вв., вплоть до имамата Шамиля и присоединения к России, развивалась по восходящей линии, являясь средоточием населения вокруг совокупности угодий, органом производственной кооперации, регулятором общественно-бытовой жизни, мощным инструментом противодействия феодальной экспансии, внутренней и внешней.

В организации, реализации всех этих аспектов жизнедеятельности община руководствовалась и опиралась на обычное право, являвшееся, наряду с планирующе-организационными действиями общины, постоянно совершенствующейся базой и инструментом организационных, регулирующих и правоохранительных, карательных мероприятий общины.

Организационная и правовая деятельность общины вкуче с обычным правом исходила из нескольких твердо и неукоснительно соблюдаемых, реализуемых принципов: община – единый хозяйственный и социальный организм; хозяйство общины, все ее угодья, отрасли составляют органически цельное единство, подразумевающее хозяйственно-организационное равноправие с некоторым предпочтением (вынужденным), отдаваемым земледельческой отрасли; единый, хозяйственный и общественный организм включает на равных основаниях все виды собственности и все сословия; в регулировании хозяйственной деятельности община не забывает и о сохранности угодий и о природоохранных мероприятиях.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абельдяев Н., 1857. Сельское хозяйство у дагестанских горцев // Журнал Министерства государственных имуществ. Ч. 64. № 8.

Агларов М.А., 1981. Земледельческая округа «мегъ» в Аварии в XVIII–XIX вв. (Структура, планирование и общий режим эксплуатации) // Быт сельского населения Дагестана (XIX – нач. XX в.). Сб. статей. Махачкала.

Агларов М.А., 1988. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – нач. XIX в. (Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.

Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. 1899 / Ред. И.Я. Сандрыгаило. Тифлис.

Адаты Даргинских обществ. 1873 // ССКГ. VII. Тифлис.

- Адаты Южно-Дагестанских обществ. 1875 // ССКГ. VIII. Тифлис.
- Алиев Б.Г.*, 1972. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала.
- Алиев Б.Г.*, 1999. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала.
- Анучин Д.Н.*, 1884. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. // Изв. ИРГО. Т. 20. Вып. 4. СПб.
- Броневский С.М.*, 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные С. Броневским. Ч. 1, 2. М.
- Вавилов Н.И.*, 1957. Горное земледелие Северного Кавказа и перспективы его развития // Изв. АН СССР. Серия биологическая. № 5.
- Вавилов Н.И., Букин Д.Д.*, 1969. Земледельческий Афганистан // Избр. труды Н.И. Вавилова. Т. I. М.-Л.
- Гаджиев В.Г.*, 1981. Союзы сельских общин Дагестана (Проблемы, история изучения, перспективы) // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XX в. Сб. статей. Махачкала.
- Гаджиева С.Ш., Османов М.О., Пашаева А.Г.*, 1967. Материальная культура даргинцев. Махачкала.
- Гарданов В.К.*, 1964. Система композиций в обычном праве адыгов (черкесов). XVIII – первая пол. XIX в. // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
- Гарданов В.К.*, 1967. Общественный строй адыгских народов. М.
- Гербер И.Г.*, 1958. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.М. Хашаева. М.
- Голдимиц*, 1989. Выступление на конгрессе. По: Тишков В.А., Инирельман В.А. XII МКАЭН // СЭ. № 3.
- Гуревич А.Я.*, 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.
- Дагестанская область. 1890. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис.
- Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Кавказа. 1887. Тифлис.
- Еропкин Д.Ф.*, 1958. Реестр горским владельцам // ИГЭД. История Дагестана в 4-х тт., 1967. Т. I. М.; 1968. Т. 2. М.
- Кайзер Н.М.*, 1973. Власть и авторитет: критика буржуазных теорий. М.
- Каранаилов О.*, 1884. Аул Чох // СМОМПК. Вып. 4. Тифлис.
- Карганов и Даитбеков, 1902. Экономическая записка по проекту Дагестанского подъездного пути Темир-Хан-Шура – Порт-Петровск. СПб.
- Качановский Ю.В.*, 1971. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. М.
- Козубский Е.И.*, 1895. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура.
- Комаров А.В.*, 1868. Адаты и судопроизводство по ним (Материалы для статистики Дагестанской области). Постановления кайтагского уцмия Рустем-хана // ССКГ. I. Тифлис.
- Комаров А.В.*, 1869. Списки населенных мест Дагестанской области // Сб. статистических сведений о Кавказе. Тифлис.
- Куббель Л.Е.*, 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.
- Леонтович Ф.И.*, 1883. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву горцев Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса.
- Магомедов Р.М.*, 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала.
- Магомедов Р.М.*, 1965. Памятник истории и письменности даргинцев. Махачкала.
- Мкртумян Ю.И.*, 1968. Картографирование элементов скотоводческой культуры народов Кавказа // СЭ. № 2.
- Мкртумян Ю.И.*, 1972. Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX в. // СЭ. № 4.
- Нахиунов И.Р.*, 1956. Экономические последствия присоединения Дагестана к России (дооктябрьский период). Махачкала.
- Неверовский А.А.*, 1847. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении // Военный журнал. № 5.

- Османов М.О.*, 1962–1963, 1966. Полевой материал автора // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6824.
- Османов М.О.*, 1967. Хозяйство в XVI–XVII вв. // История Дагестана в 4-х т. Т. I. М.
- Османов М.О.*, 1970. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Т. XX. Серия общественных наук. Махачкала.
- Османов М.О.*, 1974. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6029.
- Османов М.О.*, 1976. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6220.
- Османов М.О.*, 1977. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6337.
- Османов М.О.*, 1979. Полевой материал // РФ ИИАЭ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6678.
- Османов М.О.*, 2005. Регулирующие хозяйственно-правовые функции дагестанской общины (в связи со скотоводством). XVII–XIX вв. // Вестник Ин-та ИИАЭ ДНЦ РАН. № 2.
- Памятники обычного права Дагестана. 1965. XVII–XIX вв. Архивные материалы / Составление, предисловие и примечания Х.М. Хашаева. М.
- Пастухов А.В.*, 1894. Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шахдаг // Зап. КОИРГО. Т. 16. Тифлис.
- Периц А.И.*, 1986 а. Норма социальная // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М.
- Периц А.И.*, 1986 б. Право // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М.
- Периц А.И., Тайде Д.*, 1986. Община // Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М.
- Поршнев Б.Ф.*, 1964. Феодализм и народные массы. М.
- Робакидзе А.И.*, 1964. Поселение как источник изучения общественного быта // VII МКАЭН. М.
- Семенов Ю.И.*, 1979. О стадильной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М.
- Тихонов Д.И.*, 1958. Описание Северного Дагестана // ИГЭД.
- Хашаев Х.М.*, 1959. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала.
- Хашаев Х.М.*, 1961. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.
- Хашаев Х.М., Саидов М.С.*, 1957. Гидатлинские адаты. Махачкала.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.*, 1971. Народы, расы, культуры. М.
- Шамиладзе В.М.*, 1979. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси.
- Шенников А.А.*, 1977. Крестьянские усадьбы Северного Поволжья и Прикамья с XVI по XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л.
- Шнирельман В.А.*, 1977. Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки) // СЭ. № 2.
- Шнирельман В.А.*, 1980. Происхождение скотоводства (Культурно-историческая проблема). М.
- Энгельс Ф.*, Т. 20. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
- Erckert R.*, 1887. Der Kaukasus und seine Völker. Zpz.